

А.М. Скабичевский

**История новейшей Русской литературы
1848-1903 гг.**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А.М. Скабичевский**
История новейшей Русской литературы 1848-1903 гг. / А.М. Скабичевский – М.: Книга по Требованию, 2014. – 512 с.

ISBN 978-5-517-97077-0

ISBN 978-5-517-97077-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Изданіе журналовъ.—IV. Остальная жизнь до смерти.—V. Отличіе Достоевскаго отъ прочихъ беллетристовъ сороковыхъ годовъ по міросозерцанію и характеру творчества.—VI. Сложность сюжетовъ. Психіатрическій анализъ. Жестокость. Преобладающіе типы.—VII. Два періода его литературной дѣятельности и характеръ каждаго періода. Проблески свѣта среди реакціоннаго мрака	172
ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.—I. С. Т. Аксаковъ.—II. Д. В. Григоровичъ.—III. А. Ѳ. Писемскій.—IV. М. В. Авдѣевъ.—V. Н. Д. Хвощинская.—VI. И. С. Соханская (Кохановская).	190

III. Беллетристы-народники.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.—I. Преобладаніе беллетристики изъ народнаго быта. Идеалистически-сентиментальное возрѣніе на народъ беллетристовъ сороковыхъ годовъ. Марко-Вовчекъ.—II. Смѣхотворно-отрицательное отношеніе къ народу. Н. В. Успенскій и В. А. Слѣпцовъ.—III. Официальное изученіе народнаго быта. С. В. Максимовъ. Г. П. Данилевскій.—IV. П. И. Мельниковъ.—V. Начало объективнаго изученія народнаго быта. П. И. Якушкинъ.	212
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.—I. Беллетристы-народники изъ разночинцевъ и внесеніе ими новаго духа въ изображенія изъ народнаго быта. Ѳ. М. Рѣшетниковъ и его дѣтство.—II. Юность Рѣшетникова до пріѣзда въ Петербургъ.—III. Факты послѣдующихъ лѣтъ его жизни. <i>Подлиповцы</i> и прочія его сочиненія.—IV. А. И. Левитовъ. Факты и обстоятельства его жизни.—V. Сравненіе Левитова съ Рѣшетниковымъ. <i>Степные очерки</i> Левитова.—VI. Характеръ и содержаніе послѣдующихъ его произведеній.—VII. Н. И. Наумовъ. Его жизнь и сочиненія. П. В. Засодимскій	234
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ. I. Г. И. Успенскій и Н. Н. Златовратскій, какъ представители новой и послѣдней фазы беллетристики изъ народнаго быта. Дѣтство и юность Г. И. Успенскаго и неблагопріятныя условія первыхъ десяти лѣтъ его творчества.—II. Общій характеръ творчества Успенскаго и характеристика перваго, разночиннаго, періода его дѣятельности.—III. Переходное состояніе и вступленіе во второй періодъ дѣятельности, мужицкій.—IV. Гл. Успенскій въ качествѣ разрушителя иллюзій въ возрѣвіяхъ интеллигенціи на народъ.—V. Гл. Успенскій у источника. <i>Власть земли</i> и значеніе очерковъ, группирующихся вокругъ этого произведенія.—VI. Біографическія свѣдѣнія о Златовратскомъ.—VII. Характеристика сочиненій Златовратскаго и выводимыхъ имъ типовъ.	256

IV. Беллетристы-публицисты.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.—I. Беллетристы-публицисты. Ихъ дѣленія по партіямъ. М. Е. Салтыковъ, какъ представитель демократической партіи. Дѣтскіе годы его и воспитаніе.—II. Ссылка.—III. Возвращеніе, служба, женитьба и редакторская дѣятельность.—IV. Черты его характера. Послѣдующіе годы и смерть.—V. Первый дореформенный характеръ его литературной дѣятельности. <i>Губернскіе очерки</i> .—VI. Второй періодъ, современный реформамъ. <i>Помпадуры и помпадури. Исторія одного города</i> .—VII. Третій періодъ пореформенный—шестидесятые и семидесятые годы. <i>Ташкентцы. Дневникъ провинціала, Головлевы</i> .—VIII. Трагическій элементъ въ позднѣйшихъ сатирахъ Салтыкова.—IX. Четвертый періодъ восьмидесятыхъ годовъ. <i>Мелочи жизни. Сказки. Пошехонская старина</i>	277
ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.—I. Н. Г. Помяловскій. Его дѣтство, воспитаніе и семинарскіе годы.—II. Остальные годы его жизни.—III. Харак-	

	Стр.
теристика его сочиненій: <i>Очерки бурсы, Мьшанское счастье, Молотовъ, Братъ и сестра, Портчане.</i> —IV. Возникновеніе идеалистической школы беллетристики <i>Русскаго Слова</i> , причины ея развитія и особенности ея. А. К. Шеллеръ. Главные факты его жизни.—V. Характеристика его произведеній.—VI. Н. Ѳ. Бажинъ. И. В. Ѳедоровъ (Омулевскій).—VII. К. М. Станюковичъ. Д. К. Гирсъ. И. А. Куцевскій	305
ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.—I. Общая характеристика тенденціозной беллетристики либеральнаго лагеря. П. Д. Боборыкинъ.—II. Е. Л. Марковъ.—III. Вас. И. Немировичъ-Данченко.—IV. С. Н. Терпигоревъ. И. А. Саловъ.—V. Н. Д. Ахшарумовъ. Н. А. Лейвинъ	323
ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.—I. Общая характеристика реакціонной беллетристики и ея шаблонъ.—II. В. П. Клюшниковъ. III. Н. С. Лѣсковъ.—IV. В. В. Крестовскій. V. Болеславъ Мих. Маркевичъ. В. Г. Авѣенко. К. Ѳ. Головинъ. В. П. Авенаріусъ	337

V. Историческая беллетристика.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.—I. Два періода историческаго романа въ Россіи. Характеристика перваго періода. Движеніе историографіи въ шестидесятые годы.—II. Историческіе повѣсти и романы Н. И. Костомарова.—III. <i>Князь Серебряный</i> А. К. Толстого. <i>Война и миръ</i> Л. Н. Толстого. <i>Два портрета</i> И. С. Тургенева. <i>Старые годы</i> П. И. Мельникова. Историческіе романы Г. П. Данплевскаго и Д. Л. Мордовцева.—IV. Романы Е. А. Саліаса-де-Турнемиръ. Характеристика лубочнаго историческаго романа и представитель его В. С. Соловьевъ	349
--	-----

VI. Беллетристы восьмидесятыхъ и девяностыхъ годовъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.—I. Новая беллетристическая школа, вызванная реакціею семидесятыхъ годовъ, и ея особенности.—II. А. О. Новодворскій.—III. Біографическія свѣдѣнія о жизни В. М. Гаршина.—IV.—Характеристика его произведеній.—V. А. П. Чеховъ	361
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.—I. I. Ясинскій.—II. М. Н. Альбовъ.—III. К. С. Баранцевичъ.—IV. Н. Е. Петропавловскій (Каронинъ). А. И. Эртель. Г. А. Мачтетъ	375
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.—I. В. Г. Короленко. Его біографія.—II. Произведенія В. Г. Короленко.—III. И. Н. Потапенко. Д. Н. Маминъ. А. А. Тихоновъ (Луговой). Д. П. Голлицынъ (Муравлинъ)	384
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.—I. Беллетристы 90-хъ годовъ. А. М. Пѣшковъ (М. Горькій). Біографическія свѣдѣнія о немъ.—II. Характеристика его произведеній.—III. В. В. Смидовскій (Вересаевъ). С. Я. Елинятievскій. Л. Андреевъ и пр.—IV. Женщины-писательницы: С. И. Смирнова. В. Л. Дмитриева. О. А. Шаниръ. М. В. Крестовская. Л. И. Веселитская (Милеуличъ). А. С. Монтвидъ (Шабельская). А. А. Вербицкая и пр.	394

VII. Драма и комедія.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.—I. А. Н. Островскій, какъ создатель русской сцены. Дѣтство и юность его.—II. Начало литературной дѣятельности и первый періодъ ея до эпохи реформъ.—III. Факты послѣдующихъ лѣтъ его жизни; недостатокъ матеріальныхъ средствъ и несправедливости. Улучшеніе его положенія въ послѣдніе годы жизни.—IV. Общая характеристика пьесъ Островскаго: ихъ образцовая реальность, классическая простота и жизнерадостность. V. Разносторонность точекъ зрѣнія Островскаго на жизнь и сложность изображаемыхъ явленій. Отсутствіе односторонняго увлеченія какой-либо доктриной п	
---	--

слабость славянофильскаго вліянія въ пятидесятые годы.—VI. Глубокое проникновеніе демократическимъ духомъ времени и отраженіе этого духа въ пьесахъ перваго періода *Не въ свои сани не садись*, *Бѣдность не порокъ*. Драма *Не такъ живи, какъ хочется*, какъ апогея славянофильскихъ вліяній. . . . .

403

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.—I. Переломъ въ творчествѣ Островскаго съ наступленіемъ эпохи реформъ и увлеченіе прогрессивными идеями. Значеніе пьесъ: *Въ чужомъ миру подмеле* и *Не все кому масляница*; какъ похоронъ самодурства. Драма *Гроза* и противовѣсъ ея съ драмою *Не такъ живи, какъ хочется*.—II. Общее резюме всего сказаннаго. Положительные типы Островскаго.—III. Отрицательные типы. Универсальность изображенія русской жизни. Богатство языка.—IV. Драматическая дѣятельность И. С. Тургенева и Писемскаго. Трилогія А. К. Толстого. А. И. Пальмъ.—V. А. А. Потѣхинъ.—VI. А. В. Сухово-Кобылинъ. И. Е. Чернышевъ. Н. Я. Соловьевъ. В. А. Крыловъ. Д. В. Аверкиевъ. . . . .

423

VIII. Поэзія.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.—I. Дѣтство и юность Н. А. Некрасова.—II. Послѣдующіе факты его жизни.—III. Два элемента творчества Некрасова. Характеръ рефлексивнаго элемента.—IV. Характеръ различно-народнаго элемента.—V. Присутствіе обоихъ элементовъ въ стихотвореніяхъ изъ народнаго быта. Общій выводъ. . . . .

436

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.—I. Биографическія свѣдѣнія о жизни Т. Г. Шевченка.—II. Характеристика его произведеній.—III. И. С. Никитинъ. И. З. Суриковъ. С. Д. Дрожжинъ.—IV. А. Н. Плещеевъ. Л. Мельшинъ (П. Я.).—V. Развитіе и процвѣтаніе въ шестидесятые годы сатирической поэзіи. Кузьма Прутковъ и А. М. Жемчужниковъ. В. С. Курочкинъ и его *Искра*. Д. Д. Минаевъ. . . . .

453

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.—I. Школа поэтовъ чистаго искусства. А. К. Толстой. Факты его жизни.—II. Характеристика его произведеній.—III. А. Н. Майковъ.—IV. А. А. Шеншинъ (Фетъ).—V. Ф. И. Тютчевъ. Я. П. Полонскій.—VI. Л. А. Мей. Н. Ф. Щербина.—VII. Поэты-переводчики: Н. В. Гербель. П. И. Вейнбергъ. М. И. Михайловъ. . . . .

475

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ.—I. Характеристика новыхъ скорбныхъ поэтовъ. С. Я. Надсонъ. Факты его жизни.—II. Причина его популярности. Его нравственная физиономія, характеръ и духъ его произведеній. С. Г. Фругъ.—III. Н. М. Мпнскій.—IV. Д. С. Мережковскій. Новѣйшіе поэты чистаго искусства: А. Н. Апухтинъ. К. М. Фофановъ. А. А. Голенищевъ-Кутузовъ. С. А. Андреевскій. . . . .

494

Алфавитный указатель. . . . .

503

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I. Установленіе границъ послѣдняго періода нашей литературы. — II. Картина старыхъ литературныхъ нравовъ. — III. Московскіе философскіе кружки тридцатыхъ годовъ и внесеніе ими новыхъ литературныхъ нравовъ. — IV. Типъ умственнаго развитія стараго періода. — V. Новый типъ умственнаго развитія. — VI. Народность, какъ основная идея новаго періода литературы.

I.

Литературный періодъ, съ которымъ намъ придется имѣть дѣло въ этой книгѣ, считается гоголевскимъ; прямо и непосредственно ведутъ его отъ Гоголя, который, произведя полный переворотъ въ нашей беллетристикѣ и создавши «натуральную школу», устремилъ русскую литературу на новый путь, по которому она идетъ, будто-бы, и донинѣ.

Мнѣніе это возникло вполне естественно. Когда произведенія Гоголя привлекли всеобщее вниманіе, и молодежь, подъ вліяніемъ Бѣлинскаго, зачитывалась ими, въ числѣ ея находились и тѣ будущіе писатели, которые явились на литературное поприще въ теченіе сороковыхъ годовъ. То новое, что эти писатели впоследствии внесли въ нашу литературу, конечно, въ то время еще не существовало, и никто его не предвидѣлъ. Произведенія Гоголя представлялись послѣднимъ словомъ литературы. Образы ихъ потрясали юныя сердца своею геніальностью и вмѣстѣ съ тѣмъ исключительною отрицательностью вполне гармонировали съ мрачнымъ колоритомъ времени. Въ то же время Бѣлинскій не переставалъ твердить, что съ Гоголя начинается новая эпоха нашей литературы, рѣшительный ея поворотъ на путь натурализма. И вотъ молодое поколѣніе сороковыхъ годовъ привыкло смотрѣть на Гоголя, какъ на своего учителя, которому оно обязано всѣмъ литературнымъ достояніемъ.

Но если мы постараемся уяснить себѣ болѣе точно и опредѣленно, чѣмъ-же собственно писатели сороковыхъ годовъ и послѣдующихъ были обязаны Гоголю, то мы должны будемъ придти къ заключенію, что вліяніе Гоголя на послѣдующую литературу далеко не было такимъ всеобъемлющимъ, какъ мы привыкли думать.

Если мы будемъ считать Гоголя родоначальникомъ послѣдующей литературы съ одной эстетической точки зрѣнія, то и такое мнѣніе крайне условно. Натурализмъ явился въ русской литературѣ вовсе не въ видѣ сопр

d'état, внезапнаго открытія, принадлежащаго исключительно одному Гоголю. Это не воинственный завоеватель, вторгшійся Богъ вѣсть откуда и разомъ все перевернувшій кверху дномъ, а мирный колонизаторъ, постепенно, медленно и незамѣтно прокрадывавшійся въ нашу литературу въ продолженіе всей первой половины нынѣшняго столѣтія, и притомъ, собственно говоря, не въ одну нашу, а и во всѣ европейскія. Всюду на знамени романтизма красовалось слово «народность», и эта именно народность, въ связи съ различными демократическими вѣяніями, и обратила вниманіе читателей на жизнь маленькихъ людей, составляющихъ народныя массы, что и привело всѣ литературы къ натурализму.

Замѣчательно, что и Бѣдинскій, въ послѣднемъ своемъ обзорѣ *), первые задатки натурализма видитъ уже въ Кантемирѣ, Фонвизинѣ, Крыловѣ, а тѣмъ болѣе въ Пушкинѣ.

«Наконецъ, — говоритъ онъ, — явился Пушкинъ, поэзія котораго относится къ поэзіи всѣхъ предшествовавшихъ ему поэтовъ, какъ достиженіе относится къ стремленію. Въ ней слились въ одинъ широкій потокъ оба (идеальный и реальный), до того текшіе отдѣльно, ручьи русской поэзіи. Русское ухо услышало въ ея сложномъ аккордѣ и чисто русскіе звуки. Несмотря на преимущественно идеальный и лирический характеръ первыхъ поэмъ Пушкина, въ нихъ уже вошли элементы жизни дѣйствительной, что доказывается смѣлостью, въ то время удивившею всѣхъ, ввести въ поэму не классическихъ итальянскихъ или испанскихъ, а русскихъ разбойниковъ, — не съ кинжалами и пистолетами, а съ широкими жоками и тяжелыми кистенями, и заставить одного изъ нихъ говорить въ бреду про внучъ и грозныхъ палачей. Цыганскій таборъ съ оборванными шатрами между колесами телѣгъ, съ пляшущимъ медвѣдемъ и нагими дѣтми въ перекидныхъ корзинахъ на ослахъ, былъ тоже неслыханною дотогѣ сценою для кроваваго трагическаго событія. Но въ «Евгеніи Онегинѣ» идеалы еще болѣе уступили мѣсто дѣйствительности, или, по крайней мѣрѣ, то и другое до того слилось во что-то новое, среднее между тѣмъ и другимъ, что поэма эта должна по справедливости считаться произведеніемъ, можлившимъ начало поэзіи нашего времени. Тутъ уже натуральность является не какъ сатира, не какъ комизмъ, а какъ вѣрное воспроизведеніе дѣйствительности со всѣми ея добромъ и зломъ: со всѣми ея житейскими фризми; около двухъ или трехъ лицъ, опозитивированныхъ или нѣсколько идеализированныхъ, выведены люди обыкновенные, но не на пошлѣищѣ, какъ уроды, какъ исключенія изъ общаго правила, а какъ лица, составляющія большинство общества. И все это въ романѣ, писанномъ стихами!

«Что-же въ это время дѣлалъ романъ въ прозѣ? Онъ всѣми силами стремился къ сближенію съ дѣйствительностью — къ натуральности. Вспомните романы и повѣсти Нарѣзнаго, Марлинскаго, Загоскина, Лажечникова, Ушакова, Вельтмана, Полевого, Погодина. Здѣсь не мѣсто разсуждать о томъ, кто изъ нихъ болѣе сдѣлалъ, чей талантъ былъ выше: мы говоримъ объ общемъ имъ всѣмъ стремленіи — сблизить романъ съ дѣйствительностью, сдѣлать его вѣрнымъ ея зеркаломъ».

Такимъ образомъ Гоголь является вовсе не однимъ изъ тѣхъ новаторовъ, которые вводятъ нѣчто совершенно до нихъ небывалое. Онъ повиновался лишь общему теченію развитія современной ему литературы и представляетъ одну изъ ступеней ея спуска изъ заоблачныхъ высотъ на почву дѣйствительности. Послѣдующіе-же литераторы отнюдь не остановились на этой ступени, а пошли далѣе и создали новую эпоху въ нашей литературѣ, внеся въ нее нѣчто такое, о чемъ Гоголь лишь смутно гадалъ и что ему рѣшительно не давалось по скудости его образованія.

Дѣло въ томъ, что гениальная мѣткость, съ которою осмѣивалъ Гоголь все, что было въ его время наиболѣе пошлаго и грязнаго на Руси, была вполне инстинктивна, и произведенія Гоголя поражаютъ отсутствіемъ какихъ-либо сознательныхъ идеаловъ, во имя которыхъ осмѣивалась дѣй-

*) Взглядъ на русскую литературу 1847 г. кн. XI, стр. 338—340. Изд. 1883 г.

ствительность. Это смущало постоянно самого Гоголя, заставляя его прибѣгать къ разнымъ натянутымъ объясненіямъ внутреннихъ пружинъ своего смѣха, въ родѣ «незримыхъ міру слезъ» или «страха грядущаго закона». Наконецъ въ *Исповѣди* своей онъ самъ признался откровенно, что своимъ смѣхомъ онъ просто-на-просто лѣчился отъ тоски, ему самому необъяснимой, и чтобы развлекать себя, придумывалъ все смѣшное, что только могъ выдумать, *вовсе не заботясь о томъ, зачѣмъ это, для чего и кому отъ этого выйдетъ какая польза.* Лишь приступивши къ *Мертвымъ Душамъ*, Гоголь впервые началъ задумываться надъ тѣмъ, *зачѣмъ, къ чему это, что долженъ сказать собою такой-то характеръ, что должно выразить собою такое-то явленіе?* Результатъ подобнаго законнаго стремленія осмыслить свой смѣхъ, найти для него разумныя основанія былъ, какъ извѣстно, очень печаленъ для Гоголя: вслѣдствіе крайней скудости философскаго образованія, Гоголь началъ добиваться осмысленія своего творчества не путемъ усвоенія передовыхъ европейскихъ идей своего вѣка, а нравственнымъ самоуглубленіемъ, и запутался въ лабиринтъ мистико-аскетическихъ умствованій.

Отношеніе-же послѣдующихъ писателей къ русской дѣйствительности отнюдь не носитъ подобнаго характера художественной безцѣльности. Напротивъ того, они съ первыхъ-же шаговъ своихъ на литературномъ поприщѣ начали анализировать жизнь на основаніи вполне сознательныхъ и опредѣленныхъ идеаловъ, которые, не имѣя ничего общаго съ мистико-аскетическими теоріями Гоголя, были внушены имъ передовымъ движеніемъ вѣка. Принимая все это въ соображеніе, мы считаемъ себя вполне въ правѣ утверждать, что Гоголь не начинаетъ новаго періода нашей литературы, а завершаетъ старый. Этотъ старый періодъ преслѣдовалъ двѣ великія цѣли: съ одной стороны выработку литературнаго языка и формъ; съ другой — переходъ литературы съ почвы подражательности, риторичности и отвлеченности на почву народности, самобытности и реализма. Гоголь довершилъ эту вѣковую работу. Послѣ него осталась литература съ прекрасно-выработаннымъ языкомъ, стихотворнымъ и прозаическимъ, вполне реальная и самостоятельная. Недоставало этой литературѣ лишь одного, чтобы быть въ истинномъ смыслѣ этого слова европейскою: осмысленнаго, идейнаго содержанія, которое могло бы поставить ее впереди своего времени. Этимъ и объясняется, почему Пушкинъ, Лермонтовъ и Гоголь въ переводахъ на иностранные языки, поражая европейскихъ читателей своею геніальностью, въ то же время далеко не въ такой степени удовлетворяли и увлекали, чтобы кому-либо пришло въ голову ставить ихъ во главѣ европейскаго движенія, какъ ставились нѣкогда Шиллеръ, Гете, Байронъ, впоследствии Диккенсъ, Теккереи, В. Гюго, Ж. Зандъ, Бальзакъ, а нынѣ ставятся русскіе писатели — Тургеневъ, Л. Толстой, Достоевскій. На вышеозначенныхъ классиковъ нашихъ смотрѣли, какъ на писателей, при всей ихъ геніальности, мѣстныхъ, любопытныхъ, какъ первые проблески только-что начинавшагося пробуждаться русскаго національнаго генія. Людямъ, не предубѣжденнымъ противъ Россіи и всего русскаго, могли нравиться въ этихъ геніальныхъ проблескахъ неподдѣльная и горячая любовь къ родинѣ, кристальная нравственная свѣжесть и цѣльность, отсутствіе малѣйшей лжи, фальши, напыщенной риторики, идеально-честное, подвижнически-бережное отношеніе къ каждому произносимому слову. Но не находили европейцы одного въ произведеніяхъ рус-

скихъ классиковъ, для нихъ самаго главнаго: тѣхъ великихъ идей и роковыхъ вопросовъ жизни, какіе волновали Европу, а гдѣ и встрѣчались кое-какъ намеки на эти идеи, отношеніе къ нимъ поражаело или дѣтскою незрѣлостью или легкостью поверхностнаго диллетантизма!

Мы нисколько не ставимъ въ вину этого недостатка нашимъ классикамъ тридцатыхъ годовъ. Онъ нимало не мѣшалъ имъ стоять во главѣ русскаго общества, имѣть большое образовательное вліяніе на массу русскихъ читателей: младенчески-чуждыхъ всякаго умственнаго развитія и образованія и еще болѣе далекихъ отъ европейскаго движенія идей. Наконецъ, никогда потомствѣ не забудетъ той великой и неопѣненной заслуги, какую оказали эти литературные корифеи, создавъ литературный языкъ, формы и, наконецъ, поставивши литературу на почву самобытности и реальности. Однимъ словомъ они завѣщали своему потомству великолѣпный инструментъ, отлично приспособленный для разыгрыванія на немъ какихъ угодно величественныхъ и глубокомысленныхъ классическихъ симфоній. Недоставало только музыкантовъ, которые были-бы способны умѣло и разумно воспользоваться этимъ инструментомъ. Музыканты эти не замедлили явиться, и съ нихъ то собственно и начинается совершенно новая эпоха въ нашей литературѣ.

II.

И дѣйствительно, передъ нами является эпоха до такой степени новая представляющая такой полный переворотъ во всѣхъ литературныхъ сферахъ: что мы видимъ не одно только внесеніе новаго содержанія въ художественныя произведенія, но полное измѣненіе самыхъ литературныхъ нравовъ.

Старые литературные нравы отражали до извѣстной степени патріархальныя понятія, господствовавшія въ обществѣ нашемъ въ XVIII и до половинъ XIX столѣтій. Вплоть до пятидесятыхъ годовъ, въ литературномъ мірѣ существовала своя табель о рангахъ, свое мѣстничество и ревностное чинное почитаніе. Во главѣ литературы господствовалъ особеннаго рода Олимпъ на которомъ возсѣдали, въ видѣ литературныхъ боговъ, писатели первовеличины, каждый со своей свитой. Затѣмъ слѣдовали писатели второстепенныя, третьестепенныя и т. д., вплоть до журнальнаго плебса, пресмыкающагося въ самомъ низу, пишущаго ради презрѣнныхъ денегъ, корыстныхъ барышей и чуждаго поэтому того высшаго литературнаго благородства и безкорыстія: которыя казались свойственны лишь особаго рода избранникамъ.

Но съ презрѣніемъ смотря на честно заработанныя литературнымъ трудомъ деньги, олимпійцы въ то же время были очень падки на подачки свыше. Все они, вплоть до Гоголя включительно, упорно держались стараго покровительственнаго режима, и поэтому старались вращаться въ великосвѣтскихъ кругахъ, проникать по возможности въ придворныя сферы и всячески заискивать у сильныхъ міра, добываясь то пенсіи, то уплаты долговъ, то какой-либо льготы. Это обязывало, и олимпійцы лишь къ маленькимъ смертнымъ вопіяли:

«Подите прочь, какое дѣло
Поэту мирному до васъ?»

Что-же касается меценатовъ, то, конечно, къ нимъ подобныя гордыя восклицанія не могли относиться. Напротивъ того, приходилось быть типомъ воды, ниже травы.

Въ литературномъ отношеніи олимпійцы составляли особенное общество, негласное и неорганизованное, но все-таки представлявшее изъ себя нѣчто въ родѣ академіи изящной словесности. Всѣ они были связаны другъ съ другомъ узами болѣе или менѣе короткой дружбы. Старшіе покровительствовали младшимъ, поощряли ихъ и споспѣшествовали ихъ успѣхамъ мудрыми старческими совѣтами, оказывали имъ протекціи въ высшихъ сферахъ; младшіе благоговѣли передъ старшими, поклонялись имъ, внимали ихъ наставленіямъ и ликовали, когда старшіе пріобщали ихъ къ своему олимпійскому союзу. И дѣйствительно, тутъ было изъ-за чего ликовать: пока олимпійцы не приближали къ себѣ писателя и не возвышали до себя, нечего было и думать попасть въ число олимпійцевъ. Журналы могли сколько угодно расхваливать какого-нибудь своего любимца и признавать въ немъ хотя всемірнаго генія, какъ, напримѣръ, Сенковскій сдѣлалъ это съ Кукольниковъ. Писатели въ родѣ Загоскина и Марлинскаго могли пріобрѣтать самую огромную популярность, но всего этого было недостаточно, чтобы писатель становился въ глазахъ публики олимпійцемъ, пока послѣдніе сами не провозглашали его своимъ. И наоборотъ, разъ избранникъ удостоивался этой чести, никакіе критическіе перуны не могли поколебать его репутаціи: олимпіецъ былъ неувязимъ. Надеждинъ могъ писать какіе угодно злые памфлеты на Пушкина; на Гоголя могла ополчиться цѣлая рать критиковъ, начиная съ братьевъ Полевыхъ и кончая Сенковскимъ и Булгаринымъ, это нисколько не вело къ уменьшенію литературнаго величія Пушкина или Гоголя.

Нельзя сказать, чтобы въ литературѣ того времени не было направлений, лагерей, партій, стремившихся проводить тѣ или другіе литературные принципы и вступавшихъ изъ за нихъ въ ожесточенную борьбу. Такъ, карамзинисты боролись съ шишковцами, романтики—съ классиками. Но вся эта борьба велась преимущественно въ средѣ журнальнаго плебса. Олимпійцы если принимали въ ней участіе, то лишь въ молодые годы, платя дань юности; впоследствии же, съ лѣтами, они обыкновенно каялись въ своихъ полемическихъ подвигахъ, какъ въ грѣхахъ молодости, и все болѣе и болѣе замыкались въ гордыхъ снѣжныхъ вершинахъ своего недоступнаго Олимпа. Одинъ только Пушкинъ, слишкомъ живой и горячій для такой замкнутости, постоянно нарушалъ святость Олимпа, то раздражался влою эпиграммой на Булгарина или Надеждина, то вдругъ предпринималъ изданіе *Современника*, т. е. рѣшился вмѣшаться въ толпу журнальной черни, хотя, по правдѣ сказать, журналъ вышелъ вполне олимпійскій, какъ по своей великосвѣтской чопорности и сухости, такъ и по самой цѣли «*возвратить критику снова въ руки малаго избраннаго кружка писателей, уже облаченнаго уваженіемъ и довѣренностью публики*».

Въ этой цѣли *Современника* мы видимъ стремленіе олимпійцевъ снова взять въ свои руки критическое законодательство, которое нѣкогда главнымъ образомъ сосредоточивалось на Олимпѣ, въ тридцатые же годы начало замѣтно выскальзывать изъ рукъ его небожителей. Но послѣдніе не подозревали, что часъ ихъ пробилъ. Они ратовали главнымъ образомъ противъ той безпутной пристрастной и гаерской критики, которая водарилась тогда въ петербургской журналистикѣ и преимущественно на страницахъ *Библиотеки для Чтенія*, но въ то же время и не замѣчали, какъ росла огромная сила, готовившаяся упразднить ихъ гордый Олимпъ, и росла эта сила въ

тѣхъ самыхъ утлыхъ и жалкихъ по вѣшнему виду московскихъ журнальчи какъ, каковы были *Телескопъ* и *Молва*, о которыхъ Гоголь въ своей перодовой критической статьѣ въ № 1 *Современника* (*О движеніи журнальной литературы въ 1834 и 1835 годахъ*) отозвался съ чисто-олимпійскимъ пренебреженіемъ.

III.

Эта новая грядущая сила представлялась въ теченіе тридцатыхъ годовъ въ видѣ никому невѣдомыхъ трехъ философскихъ кружковъ молодежи кружка Герцена, Станкевича и Кирѣевскихъ. Кружки эти то сходились, то расходились между собою и наконецъ къ началу сороковыхъ годовъ слились въ два окончательно сплотившіеся лагеря—петербургскій лагерь западниковъ, группировавшійся вокругъ Бѣлинскаго, и лагерь московскихъ славянофиловъ, во главѣ которыхъ стояли братья Кирѣевскіе, Аксаковы и Хомяковъ.

Кружки эти, собственно говоря, и не думали враждовать съ олимпійцами, подкапываться подъ ихъ авторитетъ. Напротивъ того, критики ихъ относились съ большимъ уваженіемъ къ корифеямъ русской литературы особенно къ Пушкину и Гоголю. Послѣдній, какъ мы выше говорили, былъ поставленъ даже во главѣ новаго литературнаго движенія. Но самымъ своимъ существованіемъ кружки водворяли совершенно новые и небывалы въ литературѣ порядки. Они вполне уподоблялись тѣмъ молодымъ побѣгамъ которые растутъ сами по себѣ, не ломая и не уничтожая старыхъ сучьевъ но въ то же время невольно, въ силу своей молодой энергіи, стягиваютъ къ себѣ всѣ соки дерева, и старымъ сучьямъ остается только сохнуть и отпадать отъ ствола. Такъ точно и новые литературные кружки начали притягивать къ себѣ всѣ молодые силы. Начиная съ сороковыхъ годовъ всѣ вновь появившіеся сильные таланты (а какъ много появилось ихъ въ теченіе сороковыхъ годовъ) уже не заискиваютъ знакомства у оставшихся въ живыхъ олимпійцевъ: Жуковскаго, Крылова, Гоголя,—не стремятся сблизиться съ ними, не нуждаются въ ихъ совѣтахъ, не добиваются отъ нихъ посвященія въ олимпійцы, и лишь при встрѣчахъ издали наблюдаютъ ихъ, какъ оставшіеся еще въ живыхъ рѣдкіе экземпляры вымирающей породы, въ родѣ какихъ-нибудь зубровъ Бѣловѣжской пуши,— и между тѣмъ какъ эти зубры сходятъ одинъ за другимъ въ могилы, молодые писатели ищутъ литературныхъ связей въ сближеніи съ представителями тѣхъ или другихъ журнальных кружковъ. Въмѣсто прежняго іерархическаго порядка литературный міръ начинаетъ представлять собою теперь федерацію литературныхъ лагерей. Литературныя силы группируются вокругъ журналовъ которые стремятся быть не одними уже альбомами первостепенныхъ произведеній или сборниками энциклопедическихъ свѣдѣній, а проводятъ то или другое направленіе. Замѣчательно, что и публика, съ своей стороны, начинаетъ требовать отъ журналовъ *направленія*: по крайней мѣрѣ журналы безъ направленія или съ направленіемъ непопулярнымъ теряютъ возможность имѣть много подписчиковъ, какіе-бы беллетристическіе шедевры ни помѣщали они на своихъ страницахъ. Такъ, послѣ смерти Пушкина, печально влачилъ существованіе безжизненный и вялый *Современникъ* подъ редакцію Плетнева и, конечно, постепенно угасъ-бы, если-бы Некрасовъ в: